

Патруль центрального района уже прибыл для поддержания порядка, но дым от слезоточивого газа всё еще витал в воздухе.

На баннерах были написаны слова о равенстве, гоне и капиталистах, но Цзян Лоусинь не успел их разглядеть, так как подошедшие охранники быстро увели его.

Дома Цзян Си был в ярости:

— Ты действительно стал слишком самостоятельным. Что за прихоть оставаться здесь? Можешь хотя бы объяснить?

Цзян Лоусинь, конечно, не стал говорить, что встречается с Гу Линьланем, чтобы Цзян Си не начал его преследовать.

Поскольку он не смог дать внятного объяснения и выглядел как избалованный молодой наследник, Цзян Си вышел из себя.

— Сегодня ты споришь со мной из-за школы, завтра будешь бунтовать против брака по расчету. Зачем я тебя растил? Чтобы ты, когда вырастешь, смог принести пользу семье!

Сюй Янь попытался вмешаться:

— Ну хватит, он твой сын.

Цзян Лоусинь впервые почувствовал сильное желание возразить, хотел сказать, что Цзян Си несправедлив. В отношениях с Гу Линьланем Альфа никогда не требовал от него чего-то против его воли.

— Ты должен уважать меня, — с трудом произнес он.

Цзян Си усмехнулся:

— Ты вообще понимаешь, что такое уважение? Знаешь, что нужно сделать, чтобы другие считались с тобой? Посмотри на себя, достоин ли ты этого?

Цзян Лоусинь вдруг вспомнил лозунги с демонстрации и повторил:

— Все равны, у каждого есть право на самоопределение! Если я зарабатываю меньше тебя, это значит, что я заслуживаю унижений?

Цзян Си рассмеялся:

— Если ты такой крутой, будь как тот из семьи Пэй, не бери ни копейки из дома. Ешь мой рис, а потом ещё и споришь со мной.

— Ты обязан меня содержать!

— Не буду с тобой спорить, собери вещи и отправляйся за границу, — приказал Цзян Си. — Иначе я заставлю твоего старшего брата отвезти тебя силой.

Цзян Лоусинь не смог переспорить этого старого хитрюгу и обратился за помощью к Сюй Яню, но тот лишь бросил ему взгляд, призывающий остановиться.

После всей этой суматохи Цзян Лоусинь заперся в своей комнате, чтобы успокоиться, и только

через полчаса вспомнил, что забыл сообщить Гу Линьланю, что всё в порядке.

Он потрогал телефон, чувствуя досаду. Во время ссоры он так разозлился, что швырнул его на стол.

Внезапно в нем проснулось желание доказать свою независимость, и он достал чемодан, начав бросать туда одежду.

Так как раньше за ним убирала домработница, он не умел складывать вещи, и они оказались смятыми.

Закончив, он потянул чемодан к выходу. Проходя через гостиную, он заметил, что Сюй Яня не было, а Цзян Си, в очках, читал газету.

— Собираешься в семизвёздочный отель? — спросил Цзян Си. — Погуляй по городу, не уезжай далеко, чтобы не пришлось ехать за тобой, когда сдашься.

Цзян Лоусинь вспыхнул, как петарда:

— Я не вернусь даже через семьдесят лет!

Он схватил телефон и вышел, но обнаружил, что он разрядился.

Он нашел знакомого, Брата Дуна, жившего неподалеку. Тот заметил, что Цзян Лоусинь сегодня был в кроссовках, которые выиграл в споре, и сказал:

— Тебе они идут.

Цзян Лоусинь буркнул что-то, но, не в силах терпеть голод, решил поужинать в ресторане, зарядить телефон и сообщить Гу Линьланю, что всё в порядке.

Ужин оплатил Брат Дун, взяв с собой друга, и они отправились в отель в центре города.

Чемодан Цзян Лоусиня оставили на ресепшене, где его спросили, не собирается ли он в путешествие.

— Я помню, ты скоро уезжаешь за границу. Это сегодняшний рейс?

— Нет, отец купил билеты на следующую неделю, — ответил Цзян Лоусинь. — Но я не хочу уезжать.

Друг спросил:

— Почему? Ты добился своего, выиграл кроссовки в споре. Что еще не улажено?

Брат Дун рассмеялся:

— Какой там добился! Он всё время ошибался! Сначала хотел соперничать с Пэй Муинем, но в итоге ухаживал за его другом. Всё время путал.

— Вот это да! И что теперь?

— Ну, раз уж всё зашло так далеко, придется играть роль до конца, а потом найти способ расстаться, чтобы не испортить репутацию, — сказал Брат Дун. — Поторопись, на следующей

неделе ты уезжаешь.

Цзян Лоусинь не стал спорить и не знал, как объяснить Гу Линьланю свои многочисленные попытки сопротивления. Он решил подумать несколько дней.

— Я уже столько времени тяну, могу еще немного подождать. Кстати, где официант? Мой телефон включился? Дайте мне отправить сообщение.

В ресторане не было розеток, и он попросил зарядить телефон в подсобке.

Цзян Лоусинь напевал что-то, открыл дверь и замер на месте.

Гу Линьлань держал его телефон, не желая передавать его напрямую, чтобы избежать контакта, и положил его на подставку для цветов в коридоре.

Гу Линьлань сказал:

— Не нужно мне ничего писать.

.

Прошло целых полчаса, но Чжу Ин всё еще не мог прийти в себя.

Презрительные слова Беты вызвали у него отвращение, но больше всего его ранило то, что Пэй Муинь молчал, не прерывая эти злые речи.

Почему? Неужели Пэй Муинь тоже считал, что можно испытывать чью-то преданность, как дрессируют собак?

Поделится ли он потом с тем человеком, что съел вонтоны?

Скажет, что действительно выдержал испытание, только бульона, кажется, было маловато.

Чжу Ин пустился в размышления, чувствуя, что его усилия под этим углом выглядели как жалкая попытка удержать, унижительно доказывая, что с ним «ещё можно поиграть».

Если бы кто-то рассказал ему о таком поведении Пэй Муиня, он бы не поверил.

Но теперь правда была перед ним, и Чжу Ин нашел видео блогера, мучая себя, просматривая его снова и снова, уже пять раз.

Его слегка тошнило, возможно, из-за того, что он почти не ел, и голова кружилась.

В восемь вечера Пэй Муинь мрачно вернулся домой.

Профессор, старый знакомый его матери и бывший консультант, рассказал ему о текущем положении дел в семье Пэй.

Различные силы боролись друг с другом, и хотя секретарь отца спрашивал, готов ли он подписать отказ от акций, на самом деле не ожидал, что он это сделает.

Иначе изменения были бы слишком резкими, и если бы информация попала в руки недоброжелателей, акции могли бы обрушиться.

В конце профессор сказал:

— Что будет с твоей семьей без тебя? А что будет с Чжу Инем? Вы не подходите друг другу, и продолжать это бессмысленно. Если ты сможешь отпустить, это станет для него освобождением.

Пэй Муинь молчал, и профессор добавил:

— Твоя мать пока не предпринимала против него шагов, но если так продолжится, ты не только губишь себя, но и вредишь ему.

Эти слова выбили Пэй Муиня из колеи, и его сдерживаемое беспокойство снова начало проявляться, даже с оттенком растерянности.

Его чувства действительно были вредны?

Если его мать когда-нибудь начнет вмешиваться, почувствует ли Чжу Ин, что это он виноват?

Они изначально установили границы: он больше не зависел от семьи, а старшие не вмешивались в его жизнь. Теперь всё это грозило быть разрушено, и Пэй Муинь чувствовал себя потерянным.

Вернувшись домой, он заметил, что Чжу Ин выглядел бледным и молча сидел в гостиной, что заставило его самого замолчать.

Его чуткая натура уловила напряжение в воздухе, словно перед бурей.

Этот хрупкий баланс был нарушен Чжу Инем.

— В тот вечер, когда ты пошел с компанией в бар, вы не заказывали ночной перекус? — спросил Чжу Ин.

— Заказывали, — ответил Пэй Муинь, не понимая, к чему это. — Но я почти не ел, там было слишком...

Он хотел сказать, что еда была слишком жирной и соленой, и за год с Чжу Инем он привык к более легкой пище.

— Ты почти не ел вонтоны.

Пэй Муинь ответил:

— Они уже остыли.

На самом деле, он тогда почти не обращал внимания на еду. Не увидев Чжу Иня неделю, он не мог сдержать своих чувств, полностью погрузившись в него.

Хотел поговорить, обняться.

К тому же он тогда не был голоден...

— Рядом закрыли сетевой магазин, пришлось ехать в другой район, потратил больше часа, — сказал Чжу Ин. — Даже летом они не могли оставаться горячими.

Пэй Муинь не ожидал, что Чжу Ин поедет так далеко, и, почувствовав напряженность в его голосе, нахмурился.

Чжу Ин не встретил его взгляд, опустив голову, и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, произнес:

— Я слышал всё, что тот Бета говорил тебе. Блогер не удалил звук.

Только в этот момент Чжу Ин понял, насколько наивными были его прежние представления.

<http://bllate.org/book/16916/1557385>